

Евгений
НЕСТЕРЕНКО:«ТАЛАНТ НУЖДАЕТСЯ
В ПОДДЕРЖКЕ»

ДЛЯ замечательного советского певца Евгения Нестеренко каждый новый день жизни означает наполненность до краев выступлениями на оперной и концертной сцене, гастрольями, занятиями с учениками, музыкально-просветительской деятельностью. Но в ином, обобщенном понимании новый день страны и искусства побуждает к размышлениям о проблемах творчества. Солоист Большого театра, профессор Московской консерватории, народный артист СССР Е. Нестеренко делится им, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной России».

— В вашей книге «Размышления о профессии» две главы почти целиком посвящены сочетанию текста и мелодии, работе певца над словом. Что значит для вокалиста соединение слова и музыки?

— Я хотел бы подчеркнуть, что распевное слово обладает громадным эмоциональным воздействием на аудиторию. Певец имеет трибуну, с которой обращается к народу, и поэтому ответственность его должна быть особенно велика.

Есть немало примеров, когда музыка, сочиненная великим композитором, главенствовала над оперным либретто или стихами ординарного поэта и все равно становилась классикой. Но все-таки настоящий праздник души для музыканта наступает тогда, когда он встречается с истинной литературой.

«Моцарт и Сальери»... Я знаю наизусть, могу спеть «для себя» обе партии оперы и каждый раз нахожу в этом пушкинском, бесконечно любимом мною произведении новые и новые загадки. Давайте поразмышляем, что делать таланту рядом с гением, если он уверен, что никогда не достигнет его вершин? Убить гения, как это сделал Сальери? Бросить писать музыку, как, может быть, поступил бы другой? Или, подавив зависть, поддержать, помочь развиваться? История мировой культуры знает немало примеров бескорыстной помощи гениям со стороны талантов, благодаря чему таланты становились как бы ровнею с ними, заслуживали благодарную память потомков...

Одаренный человек, талант вообще нуждается в поддержке и помощи. Кто-то заметил, дал совет, порекомендовал специалиста, выучил мастерству, наконец, благословил на творческий путь. Мы привыкли к тому, что у нас существует целая система государственной помощи талантам. Но предела хорошему нет, и мне бы хотелось, например, чтобы был опробован поиск молодых голосов на местах, в населенных пунктах, удаленных от крупных «консерваторских» городов. Пока что ни у Московской консерватории, ни у Министрства культуры не находится скромной суммы денег, чтобы осуществить это, а у меня не хватает времени, чтобы преодолеть бюрократические препоны. И поэтому остается надеяться на внимание к юным дарованиям со стороны окружающих, на то, что свет не без добрых людей...

— Можно сказать, надеяться на «меценатов»?

— Да, в каком-то смысле слова так. Как член президиума правления Советского фонда культуры я очень рад, что движение в помощь искусству ширится, становится живой конкретной заботой множества людей. Может быть, мы сумеем со временем выделить премию или стипендию особо отличившемуся молодому таланту. Будучи солистом Большого театра, я также надеюсь, что в его капитальном ремонте и реконструкции примут участие, в порядке взаимопомощи, предприятия, воинские части, над которыми шефствуют артисты. Мне хочется, чтобы такого рода «меценатство» развивалось в нашей стране. Вот явление того же рода: сейчас образуются группы, которые работают на реставрации памятников культуры, непосредственно своим трудом принимают участие в этом важном деле. Такое благородство, высокое душевное стремление истинно выражает не показную, а настоящую любовь к Отечеству, к его истории...

Честно говоря, меня тревожит то обстоятельство, что мы сейчас тратим накопленное нашими предшественниками, очень долго уже движимые по инерции, постепенно замедляя ход. Если говорить о проблемах Большого театра, которые сейчас обсуждаются довольно широко, то тут есть средоточие многих негативных явлений, которыми страдает и наше общество, народное хозяйство, наша организационная структура, отсутствие в ней гибкости. Искривив те возможности, которые были заложены, допустим, в нашем театре еще в дореволюционное время, в довоенное и послевоенное, мы «съедаем» золотой запас, и резервы уже на исходе. Прежде другая жизнь была в театрах...

Проблемы Большого театра — это и вопросы развития музыкально-театрального искусства в целом. Поэтому критика нужна, но она должна быть острой по глубине, а не по внешней развязности и захватскому отношению к святыне национального искусства. Хотелось бы услышать мнения серьезных специалистов, которые почему-то молчат, а приходится читать высказывания совершенно некомпетентных, без конструктивного подхода к делу. Никто не спросит у артистов, а как нам живется и работает на сцене Большого.

— Ну вот мы и спрашиваем: как работаете вы на прославленной сцене?

— Болевых точек много, но самая главная — для кого мы поем? Наш театр давно стал музейным, туда «падают» часто из престижных соображений или для того, чтобы посмотреть на интерьер. Я знаю, что есть группы гостей из-за рубежа, которые специально интересуются искусством, но у многих посещение Большого театра идет наряду с катанием на тройках на ВДНХ или обедом в стиле «рюс». В антракте спектакля такие случайные посетители застревают в буфете или вообще уходят. Фестивали «Майские звезды» или «Русская зима» проводятся в основном для интуристов, а почему бы не создать, допустим, абонемент для любителя оперы? Поймите, без диалога с чужим, взыскательным зрителем источник творчества актера иссякает, выдыхается. Я бы сам лично с большим удовольствием пел два месяца в Горьком, Новосибирске или Красноярске для своих слушателей, которые пришли насладиться музыкой Мусоргского, Чайковского, Верди, чем в столице для участников международной конференции дантистов, которые после дневных докладов смотрят на прославленную сцену — и не видят, не слышат и не внемлют. Театр не может жить без кровного своего любителя!

Кстати, не гастролерство на один раз (свешелка, репетиция, туда вошел, оттуда вышел), а полноценные гастроль артиста, своеобразный взаимообмен творческим потенциалом могут служить одним из принципов обновления оперного искусства. Дух студииности, к сожалению, нам вряд ли может послужить, потому что опера сама по себе громоздка (машинерия, хор, оркестр). Ну и, конечно, расширение репертуара, поиск новой режиссуры необходимы...

— Приходится иногда слышать мнение, что оперное искусство устаревает, что молодежь не воспринимает классическую музыку... Согласно ли вы, что для такого мнения есть определенные основания?

— Обидно думать, что искусство, которое создавалось великими композиторами как демократическое, общенародное, вдруг стало восприниматься как «элитарное», недоступное широким массам. Мне кажется, что многие классические мелодии гораздо проще по своей структуре и лучше запоминаются, чем некоторые эстрадные, особенно «шумовые» новинки. Скажу откровенно, меня тревожит качество эстрадной музыкальной продукции, которая звучит на сценических площадках, по радио и телевидению. Постоянный музыкальный фон всегда играл громадную роль в жизни людей, даже если они отрицали это. Если же плохая шлягерная мелодия соединяется с пошлыми словами и с шумом внедряется в сознание человека, то это уже бедствие.

Мне кажется, что речь идет либо о серьезном отношении к жизни, а стало быть, и к искусству, либо о тяготении к

жвачкам, в том числе для слуха и для ума, к своего рода «музыкальному наркоту». Развлечение нужно, но не отвлечение, не бездумье и бесчувствие.

Впрочем, на том же Западе, где запущен в действие громадный механизм по одурманиванию молодежи с помощью «культы звезд» и «шоу-бизнеса», с помощью рекламы вводится в моду и опера. В Австрии я наблюдал, как молодежь стоит ночами в очереди, чтобы попасть на новую постановку «Русалки» Дворжака или «Волшебной флейты» Моцарта. Но ведь этим спектаклям предшествует громадная реклама. Уже не говоря о непременном комплекте записей на пластинках, готовых точно к сроку постановок, выпускаются красочные афиши, продаются открытки с портретами певцов.

А попробуйте купить, скажем, в Ленинграде портреты солистов Кировского театра даже в киоске, расположенном у здания оперы, — там тоже продается набор открыток кинозвезд! И что еще более важно, у нас совершенно недостаточна музыкально-литературная пресса. Есть журнал «Советская эстрада и цирк», но нет издания, посвященного музыкальному театру; «Советская культура» посвящает больше статей фигурному катанию, чем вокальному жанру. Спортивным событиям ежедневно уделяется внимание в прессе, а специальные странички, посвященные искусству, если и появляются, то нерегулярно. Дежурные рецензии на оперные премьеры выходят с опозданием на два-три месяца и мало кого греют.

На телевидении ГАР есть три передачи, которые ведут певцы Т. Адам, П. Шрайер, дирижер К. Мазур. Создается специальный вид постоянной музыкальной передачи, в которой особую роль играет личность ведущего, известного музыканта. Наше телевидение отказалось от передачи «Музыка для всех», имевшей большой зрительский отклик и прекрасные отзывы критики. Ну а что вместо нее? Пока что ничего.

Если вернуться к теме поддержки талантов, то они нуждаются не только в том, чтобы их заметили, выучили, дали звания лауреатов, обеспечили жизненными благами. Существует дефицит внимания к творчеству, не хватает строгого анализа, критики компетентной. И здесь можно предъявить немало претензий к печатному слову.

— Евгений Евгеньевич, вы часто бываете на гастрольях за рубежом. Расскажите о том, как музыка помогает преодолеть языковой барьер между певцом и его слушателями из разных стран.

— Мне приходилось работать с Шостаковичем над исполнением его вокального цикла на стихи Микеланджело, со Свиридовым над его романсами и песнями на стихи Блока и Бернса, и я был свидетелем тому, как замечательные композиторы современности бережно относятся к каждой строчке поэта. Ведь слово и музыка в лучших вокальных произведениях составляют единое целое! Скрупулезному отношению к тексту меня учили педагоги, и я стараюсь передать своим ученикам в Московской консерватории уважение к слову.

Без осмысления текста, без тщательной работы над словом не может быть вдохновенного эмоционального выступления артиста. Меня радует, что на конкурсах имени Чайковского, где я был лауреатом когда-то, а теперь являюсь членом жюри, молодые певцы со всех континентов хорошо, иногда даже отлично поют по-русски. Перед любой иноязычной аудиторией я стараюсь выступить так, как будто и нет никакого языкового барьера. И мне кажется, что многое из того, что я хочу сказать, действительно доходит — между артистом и слушателем возникает своего рода магнетизм. Музыка, как и другие виды искусства, способствует миру и согласию, взаимопониманию между народами.

Вела беседу
М. АЛЕКСАНДРОВА